

УДК 81'373.21:811.161.3

Т.Ю. Васильева,
аспирант кафедри общего и русского языкознания
ВГУ им. П.М. Машерова

ОБЪЕМ И СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО» В ОЙКОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Развитие ономастики в настоящее время характеризуется выходом на новый уровень исследования ономастических единиц: имена собственные рассматриваются не только в структурном и семантическом, но и в этнолингвистическом, этнокультурном, социоллингвистическом, когнитивном, лингвокультурологическом аспектах. Лингвокультурология как одно из ведущих направлений лингвистических исследований изучает языковую картину мира, основными элементами которой, по Ю.Н. Караулову, являются семантические поля. В связи с этим важной задачей лингвокультурологического изучения ономастического материала следует признать выделение семантических полей с целью выявления способов отражения окружающей действительности в географических названиях.

Цель данной статьи – определить объем и структуру семантического поля «местожительство», отражающего один из магистральных способов восприятия места поселения носителями топонимической системы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, зафиксированные в нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» (Мінск, 2009) [1] и представляющие собой способ языкового воплощения народных представлений о месте поселения.

Семантическое поле «местожительство» формируют отантропонимные ойконимы, насчитывающие 3127 единиц, или 62,3 % от общего количества названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, и фиксирующие информацию о людях, проживающих в данном месте. В составе семантического поля выделяются семантические модели, характеризующие место поселения как местожительство отдельного рода, членов одной семьи, владельца населенного пункта, переселенцев из другой местности.

Самыми многочисленными являются ойконимы, реализующие модель 'местожительство владельца поселения', которые насчитывают 1285 единиц, или 26 % от общего количества ойконимных единиц региона.

В научной литературе названия, реализующие данную модель, определяются как посессивные и выделяются по признаку наличия в структуре формантов *-ово/-ево/-ёво*, *-овка/-евка/-ёвка*, *-щина*, *-овщина/-евщина*, *-ин*, *-ина*, *-ино*, имеющих значение принадлежности. Присутствие значительного количества таких названий на территории Белорусского Поозерья является специфической чертой ойконимии региона. Так, по данным С.А. Янушкевича, на территории Гродненщины посессивные наименования не так многочисленны и составляют 10,5 % от всех названий. Данный факт подтверждается наблюдениями В.П. Лемтюговой, отмечающей вслед за В.А. Жучкевичем, что наибольшая концентрация топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, насчитывающих, по нашим данным, 50 % от общего количества посессивных ойконимов Белорусского Поозерья, приходится «на северную и северо-восточную часть Беларуси» [2, с. 114].

Формирование ойконимов данной модели связывается с социально-экономическими причинами: «развитием частного землепользования, когда каждый кусочек земли, даже самый маленький, имел владельца и получал наименование, в большинстве случаев по имени хозяина» [3, с. 32]. С течением времени земельные участки заселялись, при этом чаще всего основателем поселения (первопоселенцем) являлся владелец земли, личное имя, прозвище или фамилия которого закреплялись в основах ойконимов. Так, название *Абрамово* указывает, что поселение принадлежит человеку по имени *Абрам* или фамилии *Абрам*, *Абрамов*; *Бабахино* – человеку по прозвищу *Бабаха* или фамилии *Бабахин*; *Воропаево* – человеку по прозвищу *Воропай* или фамилии *Воропаев*; *Голубово* (2) – человеку по прозвищу *Голуб* или по фамилии *Голуб*, *Голубов*; *Казаново* – человеку по прозвищу *Казан* или по фамилии *Казанов* и т. д. В научной литературе утвердилось мнение, что посессивные ойконимы на *-щина*, *-овщина/-евщина*, возникавшие как наименования земельных участков, содержат указание на индивидуальную принадлежность земли и поселения на ней бывшему владельцу, от которого они на

правах наследства или купли-продажи перешли к новому. Например, *Быковщина* – поселение, возникшее на землях, перешедших по наследству или в результате акта купли-продажи от человека по прозвищу *Бык* или фамилии *Бык*, *Быков*, *Быковский* к новому владельцу; *Кулевщина* – поселение, возникшее на землях, перешедших от человека по прозвищу *Куль* или фамилии *Куль*, *Кулёв*, *Кулевский*, *Кулицкий*; *Рулевщина* – поселение, возникшее на землях, перешедших от человека по прозвищу *Руль* или по фамилии *Руль*, *Рулёв*, *Рулевский* и т. д. Необходимо отметить, что в основе формирования подобных наименований, как и других единиц данной модели, лежит представление о месте поселения как месте проживания того человека, чье имя, прозвище или фамилия фиксируется в ойкониме.

Вторую по численности группу формируют ойконимы, реализующие модель 'местожительство рода', в основах которых фиксируется коллективное название основателей поселения по имени или фамилии их общего предка. На стадии возникновения такие названия обозначали группу людей по их общему имени, «которым они пользовались совместно как члены одного рода или которым их именовали со стороны» [4, с. 70], затем наименование коллектива переходило на поселение. В работах белорусских исследователей как отродовые классифицируются безаффиксные отантропонимные ойконимы с финалью *-и* (*-ы*), называвшие первоначально коллектив жителей по имени родоначальника [5–6].

На территории Белорусского Поозерья подобные названия насчитывают 1218 единиц (24 % от общего количества ойконимов региона), 83 % из которых сформировались на основе отапельлятивных имен-прозвищ: *Балашы* < *Балаш*, *Бараны* (2) < *Баран*, *Блины* < *Блин*, *Волки* (4) < *Волк*, *Ворошилы* < *Ворошило*, *Головачи* < *Головач*, *Жуки* (2) < *Жук*, *Кисели* (4) < *Кисель*, *Медведи* < *Медведь*, *Мерзляки* < *Мерзляк*, *Морозы* < *Мороз*, *Новики* (6) < *Новик*, *Пестуны* < *Пестун*, *Пирогы* (2) < *Пирог*, *Позняки* < *Позняк*, *Ревяки* (2) < *Ревяка*, *Синицы* (2) < *Синица*, *Скрипки* < *Скрипка*, *Толкачи* < *Толкач*, *Химы* < *Хима*, *Шахи* < *Шах*, *Шилы* (3) < *Шило* и др. Исследователи ономастического материала отмечают, что базой для формирования данных названий могли послужить как имена-прозвища, так и фамилии основателей поселений, разграничить которые достаточно сложно по ряду причин, основными из которых являются отсутствие исторических данных, переход имен-прозвищ в разряд фамилий.

Основы 17 % названий данной группы соотносятся с христианскими каноническими

именами: *Авласы* (2) < *Авлас* (от *Власий*), *Васьки* < *Васька(о)* (от *Василий*), *Гавруши* < *Гавруш* (от *Гавриил*), *Даньки* (2) < *Данька(о)* (от *Даниил*), *Конаши* < *Конаш* (от *Конон*), *Лавруки* < *Лаврук* (от *Лаврентий*), *Марки* < *Марк*, *Мишки* < *Мишка* (от *Михаил*), *Петьки* < *Петька(о)* (от *Пётр*), *Терехи* (2) < *Терех* (от *Терентий*) и др.

Ойконимы, реализующие модель 'местожительство семьи' и составляющие довольно значительную в количественном отношении группу отантропонимных ойконимов (376 единиц, или 7 % от общего количества ойконимов региона), в научной литературе определяются как отпатронимные. Подобные топонимы на стадии возникновения обозначали потомков человека, имя или фамилия которого легли в основу наименования.

Вслед за Н.В. Бирилло к отпатронимным мы относим ойконимы на *-ичи*, *-овичи/-евичи*, *-уничи/-ыничи*, *-онки/-ёнки*, *-аты/-яты*, *-еняты*, *-енки* от собственных личных имен и имен-прозвищ [7, с. 52]: *Авдеевичи*, *Белевичи* (2), *Василевичи*, *Германовичи*, *Голубичи*, *Демидовичи*, *Ерёмковичи*, *Завидичи*, *Климовичи*, *Козалевичи*, *Лавреновичи*, *Масловичи*, *Орловичи*, *Павловичи*, *Семёновичи*, *Туровичи*, *Ульяновичи*, *Яковичи* и др.; *Алексиничи*, *Бабиничи* (2), *Савиничи*, *Хоминичи*, и др.; *Апанасёнки*, *Горбачёнки*, *Захарёнки*, *Ковалёнки*, *Микитёнки*, *Павлючёнки* и др.; *Климяты*, *Мартыняты*, *Самусяты*, *Тихоняты*, *Черняты*; *Адаменки*, *Гавриленки*, *Денисенки*, *Ковшенки*, *Кравченки*, *Макаренки*, *Науменки*, *Осипенки*, *Степаненки*, *Тарасенки*, *Федотенки*, *Якубенки* (2) и др.

Отпатронимными являются образования на *-аны/-яны*, мотивированные литовскими и белорусскими антропонимами (24 единицы, или 6 % от общего числа ойконимных единиц данной группы): *Бузаны* < бел. *Буза*; *Гришаны* (3) < бел. *Гриша*; *Кукляны* < лит. *Куклис*, бел. *Кукла*, *Кукель*; *Мацеляны* < бел. *Мацель*; *Межаны* < лит. *Меженас*, *Межёнис*, *Мяжонис*; *Мицкяны* < бел. *Мицко*; *Мошканы* < бел. *Мошко*; *Рачаны* < лит. *Рачис*, бел. *Рак*; *Рыбчаны* < бел. *Рыбка*; *Свираны* < бел. *Свира*; *Синяны* < бел. *Синий*; *Шавляны* < лит. *Шавлис*, *Шавленас*, бел. *Шавла*; *Эйтмяны* < лит. *Эйтминас* и др. На способность ойконимов на *-аны/-яны* называть потомков человека, которые вместе основали поселение, указывают В.П. Лемтюгова, С.А. Янушкевич, И.И. Бубнович и Ж.С. Сипливея.

В ономастической науке отсутствует четкая дифференциация отродовых и отпатронимных образований, что обусловливается существованием различных взглядов на использование терминов «отродовые» и «отпат-

ронимные» названия [2; 5–6]. Так, по мнению С.А. Янушкевича, в образовании отпатронимных ойконимов участвуют форманты *-овичи/-евичи, -ичи, -ицы, -аны/-яны, -овцы/-евцы* [6, с. 7]. Рассматривая особенности формирования отантропонимных ойконимов Гродненщины, И.И. Бубнович и Ж.С. Сипливея к отпатронимным названиям относят образования с формантами *-овичи/-евичи, -ичи, -ицы, -аны/-яны, -аты/-яты, -овцы/-евцы* [5, с. 53]. Исследователи ойконимного материала указывают на сходство отпатронимных и отродовых образований: словообразовательной базой тех и других является название коллектива людей. Так, В.П. Лемтюгова разницу между ними видит только в том, что отродовые онимы называют коллектив первого поколения, отпатронимные – второго [2, с. 132]. С.А. Янушкевич отмечает, что в некоторых случаях отродовые и отпатронимные ойконимы имеют одинаковую форму и бывает тяжело определить, чем мотивируется топоним – названием рода или названием детей по имени отца. В частности, данное наблюдение касается образований на *-ичи*, которые в топонимической литературе относятся к отродовым в том случае, когда в самом населенном пункте или в округе функционируют фамилии на *-ич*, мотивирующие ойконим. В.П. Лемтюгова в группу отпатронимных ойконимов не включает образования с формантом *-овцы*. По мнению исследователя, подобные наименования мотивируются коллективными названиями группы людей – переселенцев из какого-либо населенного пункта; часть подобных названий могла возникнуть на основе коллективного названия людей по принадлежности какому-либо человеку [2, с. 142]. Н.В. Подольская, обращая внимание на сочетаемость формантов *-овцы/-евцы* с древними антропоосновами, указывает на возможность связи в древности подобных наименований с названиями родовых объединений, общин, дворищ. Для топонимии более позднего периода исследователь считает возможной связь топонимов данного типа с катойконимами (н.п. *Белев < белевцы (жители) < Белевцы* (название нового поселения) или образование по модели [8, с. 103]. И.И. Бубнович и Ж.С. Сипливея, изучающие ойконимы Гродненщины, подобные наименования классифицируют как отпатронимные, отмечая при этом, что формант *-овцы/-евцы* используется «также при образовании других ойконимов, граница между которыми достаточно условная, так как их разграничение без учета истории образования и функционирования названия не всегда возможно» [5, с. 54]. Анализируя ойконимы на *-аты(-яты), -еня-*

ты, В.П. Лемтюгова указывает на способность подобных образований обозначать детей по имени отца [2, с. 139–140].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что в основе разграничения отродовых и отпатронимных наименований лежит структурный критерий. В аспекте нашего исследования важным является тот факт, что в отродовых и отпатронимных ойконимах региона фиксируется представление о месте поселения как местожительстве определенного коллектива людей, связанных родственными отношениями.

Ойконимы, реализующие модель 'местожительство переселенцев из другой местности', сформировались на базе коллективного наименования людей по названию населенного пункта, из которого они переселились на новые земли: *Адамовцы < адамовцы* – выходцы из н.п. *Адамово* (6); *Антоновцы* (2) < *антоновцы* – выходцы из н.п. *Антоново* (7); *Брюховцы < брюховцы* – выходцы из н.п. *Брюхово*; *Вайнюнцы < вайнюнцы* – выходцы из н.п. *Вайнюны*; *Ковалёвцы < ковалёвцы* – выходцы из н.п. *Ковалёво* (6); *Лабутевцы < лабутевцы* – выходцы из н.п. *Лабуты*; *Милюнцы < милюнцы* – выходцы из н.п. *Милюны* (2); *Озеравцы < озеравцы* – выходцы из н.п. *Озерава*; *Толпинцы < толпинцы* – выходцы из н.п. *Толпино*; *Усовцы < усовцы* – выходцы из н.п. *Усово* и др.

К наименованию жителей по названию поселения восходят образования на *-ане, -аны*: *Городняны < городняне, городняны* – жители н.п. *Городня*; *Красняне < красняне* – жители н.п. *Красное*; *Кругляны < кругляне, кругляны* – жители н.п. *Круглое*; *Кутняны < кутняне, кутняны* – жители н.п. *Куты*; *Прудняне < прудняне* – жители н.п. *Пруд, Пруды*; *Свиричане < свирчане* – жители н.п. *Свирск*; *Угляне < угляне* – жители н.п. *Углы*; *Шнитяне < шнитяне* – жители н.п. *Шнити* и др.

Отдельные ойконимные единицы данной группы допускают двойную мотивацию: либо по названию местности, в которой проживает коллектив, либо по наименованию поселения, из которого люди переселились на новые земли: *Боровляны* (2) < *боровяне, боровяны, боровляне, боровляны* «те, кто живут в бору, или жители н.п. *Боровое, Боровая, Бор*»; *Гораны* (2) < *горане, гораны* – «те, кто живут на горе, или жители н.п. *Гора*»; *Заречаны < заречане, заречаны* – «те, кто живут за рекой, или жители н.п. *Заречье*»; *Островляны < островляне, островляны* – «те, кто живут на острове, или жители н.п. *Остров, Острово*» и др. Основанием для включения приведенных ойконимов в данную группу является наличие на территории исследуемого региона мотивирующих ойконимных единиц.

Популярность названий населенных пунктов, составляющих семантическое поле «местожительство», объясняется в первую очередь социально-экономическими причинами, в частности, развитием частного землепользования. Самый большой слой феодального общества составляли крестьяне, главным занятием которых было земледелие, определявшее особенности жизни народа на протяжении значительного исторического периода. Как отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, до середины XVI в. крестьяне, как и другие свободные классы, пользовались правами потомственного владения и распоряжения землей, которые ограничивались властью великого князя и высших панских фамилий [9, с.12]. Крестьянские земельные участки, состоявшие из пахотной земли и различных угодий, назывались просто «землями» с прибавлением имени крестьян-владельцев. Владельцами «земель» выступали крестьянская семья, род, отдельный человек или переселенцы из какой-либо местности. С течением времени на земельных участках возникали поселения, характер которых определялся формами землевладения и землепользования (деревня, село, слобода, фольварк, околица, застенки, хутор и др.) и на которые переходили названия «земель», что обуславливало формирование представления о месте поселения как местожительстве членов одной семьи, отдельного рода, владельца населенного пункта, коллектива людей, переселившихся из другой местности.

Необходимо отметить, что формирование ойконимов, составляющих данное семантическое поле, объясняется не только причинами социально-экономического плана, но и особенностями мировидения создателей топонимов, когда связь между человеком и природой, человеческим коллективом, земельным владением и поселением на нем представлялась неразрывной.

Таким образом, в семантическом поле «местожительство» выделяются модели «местожительство владельца поселения», «местожительство рода», «местожительство семьи», «местожительство переселенцев из другой местности», которые различаются как по способам характеристики места поселения, так и по количеству ойконимов. В названиях населенных пунктов, формирующих данное поле, фиксируется существующее в сознании субъекта номинации представление о тесной связи человека и места его обитания, определяемое особенностями мировидения и мироощущения создателей ойконимной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.
2. Лемцюгова, В.П. Беларуская айканімія: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.
3. Лемцюгова, В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Названия типов поселений / В.П. Лемцюгова. – Минск: Наука и техника, 1983. – 156 с.
4. Кандрацюк, М. Айконімы pluralia tantum літоўскага паходжання ў Беластоцкім рэгіёне / М. Кандрацюк // Беларуская анамастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – С. 68–80.
5. Бубновіч, І.І. Шляхі ўтварэння айконімаў Гродзеншчыны: родавыя і патранімічныя назвы / І.І. Бубновіч, Ж.С. Сіплівеня // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2012. – № 1 (127). – С. 49–57.
6. Янушкевіч, С.А. Уласныя назвы паселішчаў заходняй Гродзеншчыны: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / С.А. Янушкевіч; Гродзен. дзярж. ун-т. – Мінск, 1998. – 20 с.
7. Бірыла, М.В. Аб узаемадзеянні антрапанімічных і тапанімічных асноў / М.В. Бірыла // Пытанні беларускай тапанімікі: матэрыялы Першай беларускай тапанімічнай канф., Мінск, 1–3 снежня 1967 г. / Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР; рэдкал.: М.В. Бірыла [і інш.]. – Мінск, 1967. – С. 49–56.
8. Подольская, Н.В. Типовые восточнославянские топонимы (Словообразовательный анализ) / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1983. – 160 с.
9. Владимирский-Буданов, М.Ф. Крестьянское землевладение Западной России до половины XVI в. / М.Ф. Владимирский-Буданов // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца / М.Ф. Владимирский-Буданов [и др.]; под ред. М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.П. Дашкевича. – Киев, 1893. – Кн. 7. – С. 12–92.

SUMMARY

The description of the amount and structure of the semantic field 'place of residence' are defined in the article. This semantic field reflects one of the main ways of perceiving the place of settlement by the bearers of Belarusian Poozerje toponymic system. The analysis of the actual material of the research has shown that the given semantic field is divided into several models. These models describe the place of settlement as the place of residence of a certain generation, family members, an owner of a village, immigrants from other areas. The study of the oykonym units of the defined semantic models has proved the existence of a tight connection between an individual and his place of residence represented in the place names of Belarussian Poozerje. This notion is determined with the specificity of the world-view and world-vision of the creators of toponyms.

Поступила в редакцию 28.10.2013 г.